

10. НГАБ. – Ф. 1430. Воп. 1. Спр. 35228. Отношение Могилевской римско-католической духовной консистории и губернатора рапорты уездных исправников об исправлении и починке римско-католических зданий. 24.01.1872 – 30.12.1872.

11. Расійскі дзяржаўны гістарычны архіў. – Ф. 1284. Воп. 223. 1886 г. Спр. 86. С копией со всеподданнейшего отчета витебского губернатора за 1885 г.

12. *Смалянчук, А. Ф.* Паміж краёвасцю і нацыянальнай ідэяй: польскі рух на беларускіх і літоўскіх землях. 1864 – люты 1917 г. / А. Ф. Смалянчук. – СПб.: Неўскі прасцяг, 2004. – 406 с.

13. Об укреплении начал веротерпимости: именной указ Сенату, 17 апреля 1905 г., № 26125 // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3: в 33 т. – СПб., 1908. – Т. 25: Отд. 1. – С. 257–258.

14. НГАБ. – Ф. 295. Воп. 1. Спр. 7506. Циркуляры Департамента полиции и минского губернатора. 17.03.1905 – 18.11.1905.

15. НГАБ у Гродна. – Ф. 1. Воп. 9. Спр. 52. Дело о запрещении разговаривать на польском языке в правительственных учреждениях. Брестского у[езда]. 16.07.1893–03.12.1894.

16. НГАБ у Гродна. – Ф. 1. Воп. 9. Спр. 1546. Циркуляры МВД и губернатора о запрещении открывать тайные польские школы; о запрещении продажи книг, напечатанных без проверки цензурой; о представлении отпусков чиновникам и др. 31.12.1902–17.05.1903.

17. *Біч, М.* «Всеподданнейший отчет...» виленского, гродненского и ковенского генерал-губернатора П. Д. Святополк-Мирского Николаю II / М. Біч, В. Пічукоў // Беларус. гіст. часоп. – 1997. – № 2. – С. 94–116.

18. *Афанасьева, Т. Ю.* Гродненские губернаторы (1801–1917 гг.): документально-биографические очерки / Т. Ю. Афанасьева, Р. Ф. Горячева, В. В. Швед. – Гродно: Гродн. тип., 2007. – 166, [1] с.

19. НГАБ. – Ф. 295. Воп. 1. Спр. 8021. Дело о привлечении к ответственности лиц вывесивших вывески, плакаты на польском языке. 12.03.1910–17.04.1914.

(Дата падачы: 14.02.2020 г.)

М. П. Лях

Белорусский государственный университет, Минск

М. Liakh

Belarusian State University, Minsk

УДК 94(52):327

ЛОНДОНСКИЕ ПЕРЕГОВОРЫ МЕЖДУ ЯПОНИЕЙ И СССР В 1955–1956 ГГ.

THE LONDON TALKS BETWEEN JAPAN AND THE SOVIET UNION IN 1955–1956

Статья посвящена первым официальным переговорам между Японией и Советским Союзом. Несмотря на неудачный исход, они смогли положить начало полноценному об-

суждению ряда проблем между странами, а также окончательно оформили территориальные притязания Японии.

Ключевые слова: японо-советские отношения; Япония; СССР; переговоры о нормализации; Лондонские переговоры; спорные территории.

This article is devoted to the first official negotiations between Japan and the Soviet Union. Despite their unfortunate outcome, they were able to initiate a full-fledged discussion of a number of problems between the countries, and also finally formalized the territorial claims of Japan.

Keywords: Japanese-Soviet relations; Japan; USSR; negotiations on normalization; the London talks; disputed territories.

Переговорный процесс о нормализации отношений между Японией и Советским Союзом является одним из наиболее важных моментов в определении формата взаимодействия этих стран. В данном процессе можно выделить Первые и Вторые Лондонские переговоры. Они являются одним из наиболее важных этапов в восстановлении дипломатических отношений Японии и СССР, которые были нарушены в период американской оккупации. Именно тогда были окончательно сформулированы основные требования стран друг к другу, часть из которых остается актуальной и по сегодняшний день. Для выяснения наиболее спорных из них, приведших к провалу переговоров, а также долгосрочному периоду отсутствия мирного договора между двумя государствами, следует подробно проанализировать переговорный процесс 1955–1956 гг.

Переговоры стартовали в июне 1955 г. 1 июня японский посол Сюньити Мацумото посетил советское посольство в Лондоне, с целью проведения неофициальной встречи со своим советским визави Якобом Маликом. Стороны пришли к соглашению о форме проведения будущих переговоров, рабочих языках, регламенте и месте [1, с. 148].

3 июня состоялась первая официальная встреча, которая носила скорее ознакомительный характер делегаций, а основные обсуждения начались 7 июня на второй официальной встрече. С. Мацумото представил меморандум, содержащий основные цели и позицию Японии: репатриация японских военнопленных; уважение СССР международных обязательств и прав, а также принятие японо-американского альянса; утверждение о принадлежности Хабомаи, Шикотан. Курильских островов и Южного Сахалина Японии; вопрос о рыбной ловле в северных водах; экономический транзит между двумя странами; уважение устава ООН, мирное решение конфликтов и невмешательство во внутренние дела; поддержка СССР во вступлении Японии в ООН [1, с. 149]. Советский посол сказал, что передаст меморандум своему правительству, но высказал сомнения по поводу включения этих положений в мирный договор. Данный проект был создан министром иностранных дел Японии Мамору Сигэмицу. Фактически он руководил переговорным процессом через посла. Следует отметить, что сам

С. Мацумото не разделял взгляды министра иностранных дел, поддерживая политику премьер-министра (в этот период в японском правительстве обострилась борьба между премьер-министром и министром иностранных дел за контроль над переговорами).

14 июня состоялась третья официальная встреча. На ней Я. Малик разъяснил позицию, которой придерживалась Москва, а также представил советский проект мирного договора. Главными отличиями от японского проекта были такие положения, как, запрет создания или участия в военных альянсах против стран, воевавших с Японией в последней войне; допуск в свободное плавание судов через проливы, а также ограничение доступа в японское море военных кораблей кроме тех, которые принадлежали государствам, граничившим с Японией [2, с. 69]. Эти два момента являлись трудноразрешимыми. Однако вопрос о проливах практически не поднимался на повестку дня во время первых Лондонских переговоров. Статьи о военных союзах фактически являлись противоположностью друг друга. Если же в целом анализировать оба проекта, то можно с уверенностью сказать, что в том виде, в котором они были представлены, ни одна из сторон даже при наилучших условиях не приняла бы.

С. Мацумото отказался от комментариев к этому проекту, стараясь избежать обсуждения пунктов договора. Из последующего переговорного процесса становится очевидным, что наиболее острыми вопросами начального этапа переговорного процесса стали возвращение японских военнопленных и проблема спорных территорий.

Японская сторона подчеркнуто настаивала на репатриации японских заключенных до начала обсуждения основных вопросов. Я. Малик, в свою очередь, заявил, что этот вопрос может быть урегулирован только после заключения мирного договора [3, с. 196]. Может показаться странным такое отношение японской стороны. Однако это была целенаправленная политика японского МИДа на торможение развития переговорного процесса.

На пятой официальной встрече 25 июня впервые обсуждалась территориальная проблема между странами. На открытии встречи С. Мацумото утверждал, что острова Хабомаи и Шикотан не являются ни исторически, ни географически частью Курильской гряды. На такой трактовке настаивал и главный союзник Японии США. Государственный департамент и в дальнейшем направлял инструкции в японское посольство о том, как переговоры должны вестись и какое мнение по разного рода вопросам у Вашингтона [4]. Однако Я. Малик, в свою очередь, ссылаясь на международные договоры, Ялтинские соглашения, Потсдамскую декларацию и акт о капитуляции, заявил, что принадлежность островов уже и так решена. Каждый настаивал на своих позициях и не думал уступать, хотя стоит отметить, что С. Мацумото с самого начала смягчил угол территориального вопроса, сведя его к принадлежности только двух островов [5, с. 76].

Во время шестой официальной встречи 28 июня С. Мацумото продолжал настаивать на репатриации и запросил у Я. Малика информацию по именам пленных для японского правительства. Однако советская сторона от последней просьбы уклонилась. Тогда было решено продолжить обсуждение территориальной проблемы, но и тут стороны не могли договориться. В этой ситуации С. Мацумото продолжал настаивать на немедленной репатриации и решении территориального вопроса. В ответ Я. Малик заявил, что внутри Японии активно действуют группы антинормализации, которые контролируются США. С. Мацумото ответил, что, несмотря на их существование, все политические силы желали этих переговоров, а если спорные вопросы будут решены, то нормализацию поддержит весь народ Японии [3, с. 205].

15 июля состоялась седьмая официальная встреча, повесткой дня которой были территориальные вопросы и вопросы о репатриации. Результат остался прежним, однако Я. Малик дал тонкий намек на готовность Москвы к компромиссу по статье об японо-американском военном союзе, если тот не направлен против СССР. 26 июля состоялась восьмая официальная встреча, на которой Я. Малик указал на явную готовность Советского Союза отказаться от статьи 2 проекта договора, касающейся участия Японии в военных альянсах. Также Москва была готова репатриировать 16 военных преступников, отбывших свои сроки.

На девятой официальной встрече 2 августа японская сторона впервые прокомментировала проект договора, предоставленный СССР. С. Мацумото заявил, что страны смогут прийти к компромиссу по большинству вопросов, за исключением статьи 2 (запрет военных союзов Японии), статьи 5 (территориальные вопросы) и статьи 6 (вопрос о проливах) [6, с. 27]. Для решения этих проблем С. Мацумото провел с Я. Маликом ряд неофициальных встреч. На них Я. Малик уточнил конечные территориальные требования Японии. По сути, японцы настаивали на возвращении только Хабомаи и Шикотана. 5 августа советский посол заявил, что при решении всех других вопросов Советский Союз готов передать Японии «малые Курилы» (Хабомаи и Шикотан). Что касается военных союзов, то Москва была готова исключить этот пункт, если японо-американский альянс будет носить оборонительный характер [1, с. 153].

После получения предложения Я. Малика С. Мацумото немедленно направил секретную телеграмму в Токио касательно советских уступок. Согласно плану по дальнейшим переговорам Япония прежде всего должна получить назад Хабомаи и Шикотан. Во-вторых, решить вопрос по Курилам и Южному Сахалину: либо не упоминать территориальный вопрос в мирном договоре вовсе, либо указать в нем, что Япония отказалась от Южного Сахалина и Курильских островов по Сан-Францисскому мирному договору. 10 августа телеграмма была доставлена в Токио [3, с. 237]. Реакция на советское предложение была неоднозначной.

18 августа МИД Японии принял окончательный вариант ответа на советское предложение, который был направлен в Лондон 27 августа [7, с. 78]. Согласно ему, во-первых, перед подписанием мирного договора необходимо заручиться обязательством Москвы о завершении репатриации; во-вторых, по-новому поставить территориальный вопрос: делегаты должны приложить усилия в попытке вернуть еще Кунашир и Итуруп, а также достичь соглашения о созыве международной конференции для обсуждения территориального отчуждения северных Курил и Южного Сахалина, даже в пользу Советского Союза. Данный вариант был разработан в тайне от японского премьер-министра Итиро Хатояма. Он узнал о нем уже фактически во время утверждения. Это произошло из-за того, что М. Сигэмицу очень боялся, что И. Хатояма разгласит журналистам эту информацию или использует ее для укрепления своего положения в кабинете министров [8, с. 77].

В период ожидания ответа японского МИДа на советские уступки в Лондоне продолжались переговоры. 16 августа состоялась одиннадцатая официальная встреча. На ней С. Мацумото представил японский проект мирного договора [2, с. 74]. Главным отличием от советского предложения было то, что в японском варианте отсутствовал вопрос по проливам. Связано это было с тем, что если бы Токио начал рассматривать такой вариант, то проход американских военных судов был бы под запретом, что могло вызвать недовольство у Вашингтона и поставить под удар оборону Японии.

30 августа на тринадцатой официальной встрече С. Мацумото предложил новый вариант проекта, согласно которому возвращению подлежат не только Хабомаи и Шикотан как минимальное условие, но и Итуруп и Кунашир [9, с. 39]. Принадлежность остальных территорий должна решить международная конференция. Я. Малик не мог согласиться на такие требования, заявив, что Итуруп и Кунашир являются неотъемлемой частью Курильских островов и Советского Союза. Изменение в требования могли появиться в связи очень успешной, пусть первоначально и отложенной, поездкой министра М. Сигэмицу в Вашингтон, где он заручился поддержкой. Следует отметить, что госдепартамент в принципе положительно оценил работу японского МИДа в проведении переговоров [10].

На четырнадцатой официальной встрече 6 сентября советское отношение стало более жестким. Я. Малик заявил, что новые японские территориальные требования неприемлемы, а острова Хабомаи и Шикотан будут возвращены при условии, что они не будут милитаризованы [11, с. 14; 12]. Следует отметить, что несмотря на свою готовность идти на уступки японцам, Советский Союз не намеревался идти у них на поводу. Москва изначально хотела заключить мирный договор как можно быстрее, но провоцирующее поведение японского МИД вынуждало советскую сторону принимать более жесткие меры для уменьшения аппетита Токио. В частно-

сти, на это повлияло заявление министра М. Сигэмицу в Вашингтоне о том, что Япония не намеревается устанавливать дружеские отношения с СССР. Совершенно очевидно, что такие слова сильно повлияли на переговорный процесс.

13 сентября на пятнадцатой официальной встрече Советский Союз по-прежнему отказывался от репатриации до нормализации отношений. Переговоры зашли в тупик. 15 сентября японское правительство через посла С. Мацумото завершило СССР о том, что оно готово продолжить переговоры, когда те будут готовы [3, с. 257].

Переговоры были возобновлены лишь 17 января 1956 г. [13, с. 131], получив в историографии название Вторые Лондонские. Стороны были согласны на большинство положений проекта мирного договора, за исключением вопросов территории, репатриации и проливов. Последний впервые начал обсуждаться на переговорах и очень сильно зависел от решения территориальной проблемы, т. к. в случае передачи Хабомаи и Шикотана Японии, сразу вставал вопрос о проходе через общий пролив.

24 января на второй встрече Я. Малик прокомментировал японский проект, представленный в августе 1955 г. Он выразил готовность принять Советским союзом преамбулу, статьи 1,3 и 5 [1, с. 157]. Этим советский посол подтвердил свои заявления от 9 августа и отказ Москвы от статьи 2 советского проекта договора. Оставалось урегулировать только статьи японского проекта, которые касались вступления Японии в ООН (статья 2), невмешательства во внутренние дела (статья 4), решения территориального вопроса (статья 5), коммерческих соглашений (статья 9), проблемы рыболовства (статья 10), урегулирования толкования мирного договора (статья 11).

Территориальный вопрос оставался самым неразрешимым в переговорах. Советский Союз не намеревался идти на уступки после увеличения территориальных требований Японии в августе. В этих условиях обе стороны не могли найти выход из тупика. 7 февраля Я. Малик заявил, что СССР готов к обсуждению передачи только Хабомаи и Шикотана.

10 февраля советской стороной был представлен новый проект договора. Его главным отличием было то, что впервые были прописаны названия территории, которые СССР соглашался передать Японии, – Хабомаи и Шикотан. Но это была максимальная уступка со стороны Москвы. С. Мацумото понимал, что это было последнее предложение, но принять его не мог из-за официальной позиции японских властей.

На неофициальной встрече с Я. Маликом японский посол предложил план, который он привез из Токио, – план Мацумото [3, с. 290]. Согласно ему острова Итуруп и Кунашир возвращались Японии при условии передачи в мирное управление бывшими жителями и беспрепятственного пересечения проливов возле островов советскими кораблями. Можно предположить, что этот проект был создан при участии, либо прямо, либо косвенно, пре-

мьер-министра Японии. Я. Малик принял этот проект и 12 февраля улетел в Москву для участия в XX съезде КПСС. 6 марта, спустя день после возвращения, советский посол встретился с японским коллегой. На встрече Я. Малик с явным извинением сказал С. Мацумото, что не смог получить положительного ответа на проект.

12 марта С. Мацумото направил телеграмму в Токио для М. Сигэмицу, министра иностранных дел Японии, в которой предлагал поменять политику переговоров. В ответ 15 марта МИД сообщил послу, что в случае невозможности решения территориальной проблемы тот должен вернуться в Токио.

Последняя встреча в Лондоне состоялась 20 марта. На ней советская сторона заявила, что в случае принятия советского предложения вопрос о проливах будет разрешить куда легче. Таким образом, Москва попыталась увязать территориальный вопрос с проблемой проливов, при этом не делая сильного акцента на последнем. Этим она пытались заставить Токио отказаться от своих территориальных требований, угрожая поднять вопрос о проливах. Вторые Лондонские переговоры зашли в тупик и было принято решение об их прерывании [14, с. 234]. Можно сказать, что советская сторона, поставив последнее условие, решила просто поставить точку в этой тупиковой ситуации. Было понятно, что японская сторона на такие условия не согласится.

В чем же была причина такого длительного процесса переговоров? Данный вопрос не имеет одного верного ответа. Одной из причин можно считать внутреннюю ситуацию в Японии. Дело в том, что премьер и министр иностранных дел придерживались абсолютно разных взглядов и принадлежали к разным фракциям правящей партии. И. Хатояма отстаивал более независимую позицию от США. М. Сигэмицу же имел противоположную точку зрения [15, с. 212]. Он всячески следил за тем, чтобы японо-американские отношения не понесли серьезный урон. Для этого он периодически через посольство США в Токио связывался с Вашингтоном с целью уточнения мнения своего главного союзника. Те, в свою очередь, давали ему определенные инструкции или, как называли их в Вашингтоне, «советы», на основе которых М. Сигэмицу основывал свои действия [10; 16; 17]. Фактически переговорный процесс использовался обоими с целью укрепления своего политического влияния в партии и обществе.

Еще одной причиной можно считать и настойчивую советскую позицию по ряду вопросов. В территориальном споре Москва заняла жесткую позицию. Она была согласна передать два острова, но никак не четыре. Также она привязала решение этого вопроса к вопросу о проливах, который для Советского союза был принципиален. Не стоит забывать и такой момент, что советское руководство все же готово было минимально пойти на уступки Японии, чем, несомненно, пыталось ослабить альянс Токио и Вашинг-

тона. Но, несмотря на это, можно увидеть, что Москва не настолько сильно желала скорейшего урегулирования отношений, чтобы отдать территорию курильских островов до Итурупа.

Переговорный процесс в Лондоне показал, что стороны в принципе не собирались заключать соглашения на противоположных условиях. В частности, Советский Союз никогда бы не отдал территорий больше, чем намеревался, а Япония не согласилась бы получить их меньше, чем требовала. Также никто не хотел уступать по вопросу проливов, который мог поставить под угрозу национальные интересы обеих сторон. Однако, как видно из хода переговорного процесса, вероятность того, что одна из них пойдет на компромисс, всё-таки была. В каком-то смысле можно сказать, что Лондонские переговоры стали репетицией к Московским, которые, однако, проблемы между сторонами так и не решили.

Список использованных источников

1. *Тихвинский, С. Л.* Дипломатия: исследования и воспоминания / С. Л. Тихвинский. – М.: Изд. центр ИРИ РАН, 2001. – 315 с.
2. *Тихвинский, С. Л.* Россия – Япония обречены на добрососедство / С. Л. Тихвинский. – М.: Памятники ист. мысли, 1996. – 250 с.
3. *Tanaka, T.* The Soviet-Japanese normalization talks in 1955-56: With special reference to the attitude of Britain.: PhD thesis / T. Tanaka. – London, 1990. – 435 p.
4. *Панов, А. Н.* Советско-японская Совместная декларация 1956 года: сложный путь к подписанию, нелёгкая судьба после ратификации / А. Н. Панов // Японские исследования. – 2019. – № 2. – С. 63–94.
5. *Кутаков, Л. Н.* Москва – Токио. Очерки дипломатических отношений / Л. Н. Кутаков. – М.: Междунар. отношения, 1988. – 270 с.
6. *Tanaka, T.* The Soviet-Japanese Normalization in 1955-6 and US-Japanese Relations / T. Tanaka // Hitotsubashi journal of law and politics. – 1993. – № 21. – P. 65–93.
7. *Izumikawa, Ya.* Nisso kokkō seijō-ka kōshō to nichibeikankei: gaishō Shigemitsu Mamoru to Nihon no jishu gaikō / Ya. Izumikawa // Roshiaishi kenkyū. – 2007. – № 80. – P. 36–44.
8. *Тихвинский, С. Л.* К истории восстановления послевоенных советско-японских отношений / С. Л. Тихвинский // Вопросы истории. – 1990. – № 9. – С. 3–28.
9. *Эйдус, Х. Т.* СССР и Япония / Х. Т. Эйдус. – М.: Наука, 1964. – 194 с.
10. История международных отношений на Дальнем Востоке, 1945 – 1977 / М. С. Капица [и др.]. – Хабаровск: Кн. изд-во, 1978. – 558 с.
11. Memorandum of a Conversation Between Foreign Secretary Macmillan and Secretary of State Dulles, Secretary Dulles' Suite, Mark Hopkins Hotel, San Francisco, June 21, 1955, 4:30 p.m. / Foreign Relations of the United States, 1955–1957, Japan, Volume XXIII, Part 1 // The Office of the Historian [Electronic resource]. – Mode of access: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1955-57v23p1/d33>. – Date of access: 24.12.2020.

12. Telegram From the Department of State to the Embassy in Japan / Foreign Relations of the United States, 1955–1957, Japan, Volume XXIII, Part 1 // The Office of the Historian [Electronic resource]. – Mode of access: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1955-57v23p1/d34>. – Date of access: 24.12.2020.

13. Memorandum of a Conversation, Department of State, Washington, August 29, 1955 / Foreign Relations of the United States, 1955–1957, Japan, Volume XXIII, Part 1 // The Office of the Historian [Electronic resource]. – Mode of access: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1955-57v23p1/d44>. – Date of access: 24.12.2020.

14. Memorandum From the Assistant Secretary of State for Far Eastern Affairs (Robertson) to the Secretary of State / Foreign Relations of the United States, 1955–1957, Japan, Volume XXIII, Part 1 // The Office of the Historian [Electronic resource]. – Mode of access: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1955-57v23p1/d52>. – Date of access: 24.12.2020.

15. Memorandum of a Conversation, Tokyo, March 18, 1956 / Foreign Relations of the United States, 1955–1957, Japan, Volume XXIII, Part 1 // The Office of the Historian [Electronic resource]. – Mode of access: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1955-57v23p1/d70>. – Date of access: 24.12.2020.

16. *Молодяков, В. Э.* История Японии, XX век / В. Э. Молодяков, Э. В. Молодякова, С.Б. Маркарьян. – М.: Крафт+, 2007. – 526 с.

17. *Березин, В. Н.* Курс на добрососедство и сотрудничество и его противники / В. Н. Березин. – М.: Междунар. отношения, 1977. – 144 с.

(Дата подачи: 24.02.2021 г.)

Я. У. Макоўская
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск

Y. Makouskaya
Belarusian State University, Minsk

УДК 94(476)“17”+338.45(476)(091)“17”

З ГІСТОРЫІ НАЛІБОЦКАЙ МАНУФАКТУРЫ FROM THE HISTORY OF MANUFACTURE IN NALIBOKI

Артыкул звяртае ўвагу чытача на першую мануфактуру, заснаваную на беларускіх землях. Даследаванне разглядае малавядомы аспект айчынай эканамічнай і культурнай гісторыі – заснаванне і функцыянаванне шклянога прадпрыемства роду Радзівілаў у в. Налібакі. Аўтар спрабуе разгледзець гісторыю дзейнасці Налібоцкай мануфактуры, узнавіць яе месца ў гісторыі нашай краіны. У артыкуле значная ўвага надаецца працаўнікам прадпрыемства, асартыменту мануфактуры, а таксама спосабам рэалізацыі вырабаў.

Ключавыя словы: Налібоцкая мануфактура; шкляное прадпрыемства; Ганна Катажына Радзівіл; гута; першая мануфактура на беларускіх землях.